

№4 (316). АПРЕЛЬ 2017

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО



В.В. МАТОРИН. ПАСХА (ПОКРОВСКИЙ СОБОР В ИЗМАЙЛОВЕ).
ХОЛСТ, МАСЛО. 2013 ГОД

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ



Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редколлегия:
Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов), Г.В. Аксенова,
А.А. Белай, С.Ю. Жигенёв,
В.Ф. Козлов, В.В. Максименко

Художник-верстальщик
С.А. Алопин
Редактор-корректор
А.Э. Варчева

Учредитель: АО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва»». 2017

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mostag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 16.03.2017.

Печать офсетная.

Объем 12 п. л. Формат 64 × 90/8.

Тираж 42000 экз.

Цена договорная.

Заказ № 26617.

Отпечатано:

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская обл., г. Подольск,
Революционный просп., д. 80/42

Материалы основных рубрик
рецензируются.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ 2 «Хотелось бы дожить...»
Беседа журналиста
Марины Владимировны Бойковой
с живописцем,
народным художником РСФСР
Владимиром Ивановичем Переяславцем

ИСТОРИЧЕСКИЙ 14 Кирилл Валерьевич Жижкевич
ЭКСКУРС Символ эпохи
Комплекс зданий Правительства Москвы
на Новом Арбате: страницы прошлого
и настоящего

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ 22 Андрей Юрьевич Епатко
«Не мертвец и не живой»
Жизнь, кончина и посмертная судьба
герцога Карла Евгения де Круа (1651–1702)

СВЕТ ПАМЯТИ 28 Наталия Александровна Шанаева
Эстафета добра
О существовавшем в Москве до 1960-х годов
детском доме № 38 и его директоре
Анне Исидоровне Сосновской (1899–1984)

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, 35 Вера Леонидовна Кошелева
ФАКТЫ Неумирающий русский лебедь
К 140-летию балета П.И. Чайковского
«Лебединое озеро»

СЛУЧАИ И КУРЬЕЗЫ 46 Алексей Юрьевич Шаламов
РУССКОЙ СТАРИНЫ В поисках приключений
Похождения майорской дочери
Варвары Сергеевны Барабаницковой

ЗАПИСКИ МОСКВОВЕДА 50 Владимир Александрович Бессонов
«На перекрестке двух дорог...»
О московском доме № 12/2
на углу Большого Козихинского
и Большого Палашевского переулков
и его обитателях

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 83 Марина Львовна Галашина,
Людмила Ивановна Зубатарева
«Она радостно ездил туда...»
М.Н. Ермолова во Владыкине

КАК ЭТО БЫЛО 88 Дмитрий Витальевич Соколов
Все для фронта
О трофеях Красной армии,
захваченных ею в Крыму
после победы над П.Н. Врангелем

КАРАНДАШОМ, 92 Алексей Петрович Назарьев
РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ «Певец величия родины»
О московском живописце
Викторе Викторовиче Маторине

«Хотелось бы дожить...»

Беседа журналиста Марины Владимировны Бойковой
с живописцем, народным художником РСФСР
Владимиром Ивановичем Переяславцем



В.И. Переяславец в мастерской. 1964 год

Владимир Иванович родился в 1918 году. Он — старейший художник России, действительный член РАХ, глава художественной династии, одним из ярких представителей которой является его сын Михаил Владимирович — известный скульптор. В 1941 году В.И. Переяславец ушел с четвертого курса Московского государственного художественного института имени В.И. Сурикова и поступил в аэроклуб, затем окончил летную школу. На фронте служил летчиком-истребителем, летал и после войны до 1958 года. Награжден орденами

Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В 1950-м завершил обучение в МГХИ и был принят в Студию военных художников имени М.Б. Грекова, в которой состоит по сей день.

Марина Бойкова: Владимир Иванович, Ваши родители имели какое-нибудь отношение к изобразительному искусству?

Владимир Переяславец: Нет. Впрочем, не знаю. Дело в том, что отца я не помню,

он нас оставил, когда я был совсем мал. Мы жили на Украине, в Мироновке Шевченковского района. Этот поселок считается местом моего рождения. Уже в зрелом возрасте я послал запрос в Мироновку, чтобы выяснить, жили там Переяславцы или нет. Ответ получил на украинском языке: «Нема таких и не було». Я не мог понять, в чем дело. Вырос-то я в Краснодаре, куда мы с матерью, Верой Аполлоновной, переехали. Она там и умерла от туберкулеза, когда мне десять лет исполнилось. Похоронив маму, в ее вещах я нашел официальную бумагу, где кто-то напечатал: «Мироновка». Может, это подделка? Так или иначе, загадка остается.

В Краснодаре в квартире напротив нашей жила родная сестра моей матери Надежда Аполлоновна (в замужестве Милюкова). Однажды я видел у нее спрятанную фотографию, на которой она с супругом, офицером Белой армии, стоит рядом с императором Николаем II.

После смерти матери в нашу комнату подселили Василия Константиновича (фамилии не помню). Хороший дядька, хоть и энкавэдэшник. За мной, сиротой, приглядывала тетка, которая заодно похаживала к моему соседу, мужчине видному.

Я страдал тогда болезнью (*смеется*): просыпался позже, чем требовалось. Понимаете? За это Верочка, дочь Надежды Аполлоновны, обзывала меня ссыкуном. Как-то я в очередной раз слишком поздно проснулся и слышу — Василий Константинович говорит моей тетке: «Надя, когда ты избавишься от этого ссыкуна?» Думаю: вот тебе и сигнал. Ведь я давно собирался смотаться. Ночью только они заснули — я и смылся.

М. Б.: *Навсегда?*

В. П.: Много лет спустя я приезжал в Краснодар, чтобы отыскать могилу матери. Не нашел. Только справку о ее кончине смог получить в местной больнице. Пришел к нашему дому. Стоял во дворе и думал: зайти, что ли? Наши окна выходили на застекленную веранду, длинную и широкую. Перед верандой был садик с большущим тутовником. Почти ничего не изменилось... А в нашей комнате на стене, как помнится, висела картина, написанная маслом, — «Дарьяльское ущелье». Красивая. Вдруг она до сих пор там? Может, забрать на память? Вдруг выходит какая-то бабка: «Не ходите туда, сынок. Всех, кто там жил, расстреляли, а двоих сослали — тех, у кого белый офицер род-

ственник». Так я узнал судьбу Надежды Аполлоновны, ее дочери и Василия Константиновича.

М. Б.: *Вы рисовали с детства?*

В. П.: Мое будущее в этом смысле определилось еще в Краснодаре. Я бегал в школу мимо художественного техникума. За четыре года учебы перезнакомился со всеми ребятами и преподавателями.

С особенной теплотой вспоминается Михаил Петрович Богоявленский¹, который содержал Краснодарскую картинную галерею. Он ее спас потом во время войны. Так вот, Михаил Петрович даже прилагал усилия, чтобы я чему-то научился, разрешал посещать классы.

На память лег очередной праздник, посвященный Октябрьской революции (дату отмечали за год до моего побега из дома). К торжественному мероприятию выпускник техникума Николай Петрович Смоляк² создал для праздника две огромные арки. Одна — из каких-то коробок, того и гляди развалится — называлась «Капитализм», а вторая — красивая, белая — «Социализм».

Рядом с техникумом стояла церковь, из которой вынесли всю утварь, все иконы и сделали там танцевальную площадку. Что-то вроде сцены. Вечерами синемлузчники³ отплясывали в храме чечетку. К торжеству привезли на площадь перед церковью венские стулья — новые, завернутые в солому. Нам, пацанам малолетним, поручили их распаковывать и вносить в зал, где планировался концерт. Потом нам разрешили его посмотреть. Вот тогда я познакомился с Николаем Смоляком — автором арок, которые также на площади установили. Вскоре он уехал в Москву. Я решил съездить туда, чтобы его найти.

М. Б.: *Сразу, как убежали из дома?*

В. П.: Нет, я до этого долго беспризорничал. Но вот добрался до столицы. Болтался там по всем вокзалам. И однажды — это надо же! — оказался на Красной площади перед красивым зданием. Читаю: «Горком московских художников» (Союза художников тогда еще не существовало). Вхожу туда, а навстречу — Николай Петрович! Увидел меня: «А ты откуда взялся?!» Схватил меня сразу за шиворот: «Никуда не пойдешь. Будешь помогать». Позвонил куда-то, и вот мы едем на Лубянку в клуб НКВД. Там Смоляк подводит меня к главному тамошнему художнику, Всеволоду Барвинскому.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

В это время шла подготовка к какому-то празднику. Надо делать плакаты, чем Сева, который знал все шрифты наизусть, и занимался. Меня определили помогать ему дописывать буквы. Этому искусству я еще в Краснодаре выучился. Так мог знак вывести, что он, сволочь, стоял как следует!

Работал до глубокой ночи. Повели приятели-художники меня к себе в коммуналку, накормили. Уложили спать в прихожей на большом сундуке. И там приключилась со мной та же неприятность. Я же ссыкун (*смеется*). Промочил весь сундук, где посуда хранилась. И смех и грех! Решили тогда они побыстрее определить вашего покорного слугу в детский дом. Брат Севы, Ростислав Барвинский, старший лейтенант, служил у наркома внутренних дел Ягоды. И вот благодаря обретенным связям в Москве я оказался в детском доме №1 Краснопресненского района по адресу: Большая Грузинская, дом 4. Идешь из старого зоопарка в новый — аккурат здание нашего детдома минуешь. Стоит до сих пор. Я иногда в нем бываю, хотя сначала убежал из него.

М. Б.: Не понравилось?

В. П.: Не в этом дело. Долго ждать пришлось. Привезли в детский дом, а доку-

менты на меня отсутствуют. Директор не знал, как принимать такого. Тут еще из открытых окон столовой, которая в полуподвале располагалась, потянуло парами. Я мимо ходил туда-сюда, пока тетка-повариха, такая красивая, розовощекая, не сжалась и не дала мне большой кусок хлеба с котлетой. Я все слопал — и на вокзал, откуда вслед давней мечте решил двинуть в Ленинград.

На вокзале ко мне прибился один мальчишка, тоже беглец из детского дома. Мы залезли на крышу поезда и поехали. Я улегся, а он все ходил, успокоиться не мог: давай, говорит, между вагонами устроимся, где «гармошка». Дескать, наверху ветер гуляет, а там тепло. Я отказался, поскольку мне и на крыше было неплохо: кое-как пиджак, кепка согревали. Он же полез. Буквально через несколько секунд — визг тормозов, поезд останавли-



В Московском детском доме №1. 1933 год



*Володя Переяславец лепит фигуру Ленина.
1932 год*





*В.Э. Мейерхольд
и И.В. Ильинский
в гостях
у воспитанников
детдома.*

*Володя
Переяславец —
второй слева*

вается. Оказалось, мальчишку сбило, оторвало голову, а тело выбросило на насыпь. Состав пошел тихо назад. Я как сумасшедший перепрыгнул на другой вагон и побежал, но вскоре спохватился: куда это я, не смогу ведь сойти, потому что только на нашем вагоне имелась лесенка для спуска. Вернулся обратно. Поезд стал, я спустился, ныряю под вагон, чтобы перебраться на другую сторону, где пассажиры собрались, а там голова лежит... Потом паровоз дал свисток. Все по местам! Я — снова под поездом пролез, сел на ступеньке, наверх не тянет, дрожь пробирает. Вдруг открывается дверь, падаю спиной в открывшийся проем, меня за шиворот втаскивают внутрь. Там люди горячо обсуждают случившееся. Состав вновь останавливается. Меня вывели и заперли в рабочей будке, роль которой играл списанный вагон. Слышу свисток — поезд тронулся. Меня всего трясет, соображаю, что надо бежать. Огляделся: в углу — бюст Ленина, стол покрыт грязной красной материей. На нем — банка с папиросными бычками. Дышать нечем — накурено. На стене тоже красная тряпка, а вот за ней — окно, забитое фанерой. Так хотелось выбраться, что я надавил посильнее, деревяшка и отвалилась.

Вылез, но побрел не к железной дороге, а в поле. Дело к вечеру близилось, вдалеке огоньки поезда. Думаю, вот он меня обратно в Москву и доставит. Бегу к семафору, возле которого состав всегда останавливается, потому что там одна колея. Повез-

ло, на этот раз товарняк, у него тормозные площадки были, некоторые даже пустые. Я прыгнул, лег на одну такую, чтоб от случайного взгляда скрыться, и прибыл часа в три-четыре утра к окружной дороге Курского вокзала.

Поплелся по шпалам в центр города к вокзалу. Вместо здания, которое сейчас закрывает Курский вокзал, там парк был с круглым фонтаном, где я к беспризорникам прибил. Человек пять: сидели костер жгли. Не успел обогреться — подъехали три машины. Облава! Всех нас схватили. Я, может, и удрал бы, но, убитый недавними событиями, усталый, даже не сопротивлялся. И к счастью.

Привезли в Дзержинский приемник. Я сказал, что сбежал из детского дома № 1, и дежурный милиционер взялся меня туда отвести. Привел рано, еще все спали. Пока я путешествовал, в детдоме сменился начальник, того, который из-за документов возился, выгнали. Новый директор сразу принял. И жизнь пошла на лад.

М. Б.: Значит, в детском доме хорошо было?

В. П.: Мне нравилось. Думаю, его создали по линии МОПра⁴, потому что немалую часть воспитанников составляли иностранцы. Болгар человек десять (их страна только что потерпела поражение в революции). Среди них — девочка Лиля Карастоянова, с ней мы дружили. Еще там обретались немцы, поляки, один англичанин и даже негр, которого я возил к Петру Петровичу

Кончаловскому, чтобы он его портрет написал.

Имелись там и потомки Пушкина: Олег Кологривов⁵ и Сережа Клименко⁶, да в другом детдоме еще двое. Не знаю, почему их разделили. На воспитание ребят определила какая-то их тетка, тоже из рода Александра Сергеевича. Она добилась приема у Владимира Ильича и прямо заявила: вот потомки великого поэта! Ленин дал соответствующее распоряжение.

Олег учился отлично, был на доске почета. Сережка тоже не без способностей. Я с ними дружил. После войны написал картину, на которой они в полном составе — вчетвером, в военной форме, потому что все стали офицерами, все воевали...

Наш детдом от новой территории зоопарка отделял деревянный забор. За ним — маленькое озерко, в котором что только не брызгалось. Какие-то курочки маленькие и большие, уточки... Экзотические в основном, но плавали и обыкновенные, «русские». Так мы, мальчишки, доски забора отодвигали, какую-нибудь курицу хватать за шею, сворачивали ей башку и сразу — в наш парк. Там уже костер горел, тут же добычу обдавали кипятком, ошпывали, жарили и ели.

М. Б.: Петр Петрович Кончаловский именно тогда появился в Вашей судьбе?

В. П.: Наш детский дом считался привилегированным. К нам приходили Шагинян, Новиков-Прибой, Серафимович, вся труппа театра Мейерхольда. Перед нами выступали многие знаменитые актеры. Райское место.

Рисование я не бросал, Колька Смоляк продолжал мне помогать. Однажды летом на детдомовской даче под Обнинском на реке я увидел двух художников. Меня потянуло к ним, как магнитом. Это оказались Петр Петрович и его сын Миша⁷. Предложили попозировать, пригласили к себе на дачу в Бугры. Я целую неделю там прожил. Счастливейшие дни! Кончаловские жили недалеко от детского дома, так я часто бегал к ним — Петру Петровичу, его жене Ольге Васильевне, Мише. Любили меня, но, должен сказать, Кончаловский ничему меня специально не учил. Самому приходилось что-то ухватывать, собственной башкой соображать. Помню, писал он Героя Советского Союза, приехавшего из воюющей Испании, по фамилии Шевченко, кажется. Тот стоял у стула, позировал. Я рядом смотрел внимательно, как насто-

ящий мастер работает. Впитывал. А потом Петр Петрович меня, можно сказать, спас.

М. Б.: Как это произошло?

В. П.: В 1934 году наш детский дом начал подготовку к празднованию своего десятилетия. Мы, воспитанники, готовили юбилейный выпуск стенгазеты «Пионерия». Меня отправили за красками на Кузнецкий Мост. И случилась катастрофа: я попал между двумя столкнувшимися трамваями. Четырнадцать переломов! Четыре ребра в области сердца, шесть переломов в тазу, обе лопатки, открытый перелом бедра... Оперировал меня по просьбе Петра Петровича великий хирург Сергей Юдин⁸. Он меня вытащил.

Я полгода пролежал в НИИ Склифосовского. Лилька Карастоянова ко мне приходила, приносила что почитать. Только вышла «Как закалялась сталь» — она мне ее, можно сказать, с пылу с жару доставила, да еще с автографом самого Николая Островского. И Мариэтта Шагинян меня навещала, тоже книгу подарила, и Петр Петрович Кончаловский, конечно, наведалься... Удивительное дело: когда началась война и я, намереваясь поступить в летную школу, проходил медкомиссию, доктора не нашли у меня никаких изъянов по здоровью, написали: «годен без ограничений»!

М. Б.: В сорок первом Вы были еще студентом?

В. П.: Я учился на четвертом курсе Суриковского института. Мы тогда гостили на творческой даче в Крыму. Я и еще трое ребят сразу решили пойти добровольцами в аэроклуб. Я еще в Краснодаре влюбился в самолеты, когда они проплывали над нашим домом. Также испанская война повлияла, ведь вся страна гордилась героями-пилотами. В общем, выбрали летную школу. Крым уже начали заполнять раненые. С полуострова вывозили всех, кого можно. Поэтому в Москву пришлось возвращаться товарным поездом. Вернулись — и сразу в аэроклуб. Написали заявление, прошли все комиссии. Попали в истребительную школу. Первая учебная база располагалась в Сталинградской области. Стояли на высотке, откуда расстилался вид на Сталинград. Мы, курсанты, участия в битве против немцев не принимали. Чтобы попасть в боевую часть, надо было выучиться. Мы переезжали с одного места на другое, менялись типы самолетов... Поэтому воевал я всего год. И то: бои завершались, и летный состав берегли. Отпра-



В кабине самолета



*Подготовка к полету.
1951 год*

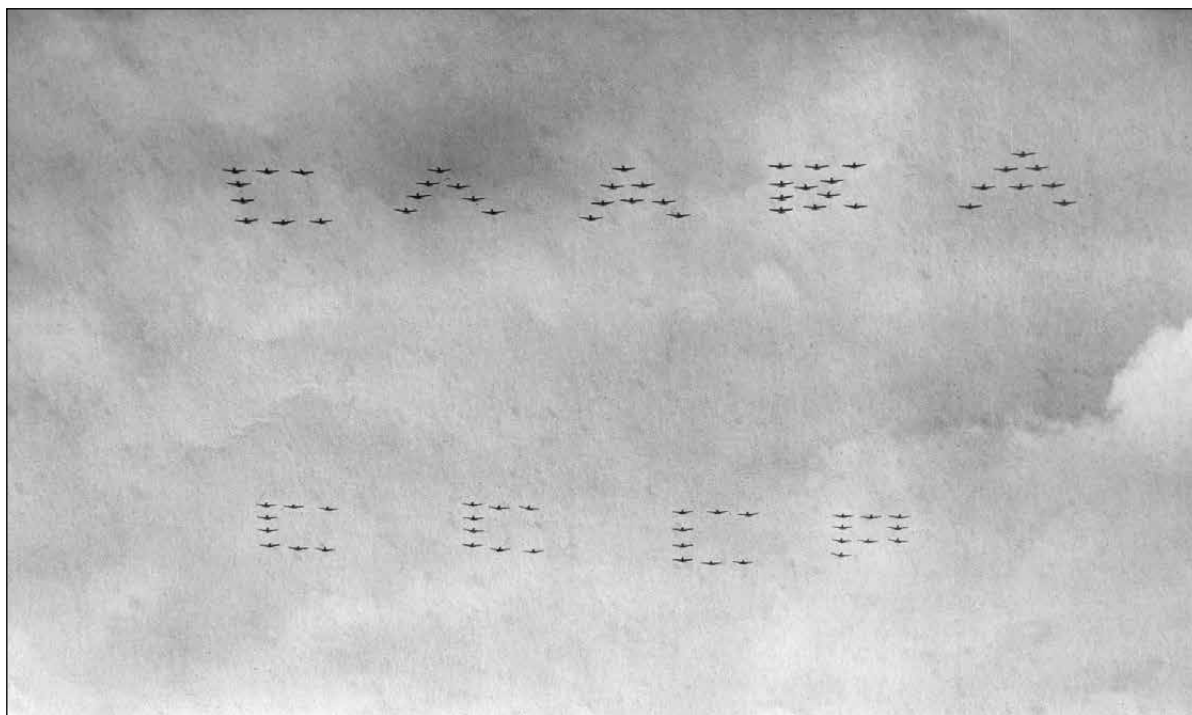
вили нас не на передовую, а на Белое море, в Архангельск. Мы охраняли входящие в порт корабли от возможных нападений с воздуха. Это были зарубежные суда, которые привозили нам самолеты, продукты, одежду. Учились мы на наших «яках», а летали в результате на иностранных истребителях.

М. Б.: *А после войны...*

В. П.: Тогда нас готовили в Корею — помогать ей бороться с американцами, которые вторглись в эту страну. Соревновались за такое право две эскадрильи: из нашего полка и из соседнего. Но мы вырвались вперед. Тяжело давалась наука открывать огонь по самолету противника с расстояния в 30 метров. Не раньше и не позже — оптимальная дистанция для успешной атаки. Мы стреляли на высоте 8 тысяч метров по конусу (пятиметровой трубе), который таскал самолет на специальном тросе. У нашего командира капитана Троянова прицельно бить по конусу никак не получалось. Хотя всему остальному он нас прекрасно выучил. И вот приехала комиссия: генералы, герои войны. Устроили нам экзамен. А Троянов в воздухе промазал — попал в трос и перебил его. Труба свалилась на четырехлопастной деревянный винт его самолета. Машина сразу вышла из строя, и капитан стал падать.

М. Б.: *Погиб?*

В. П.: К счастью, выжил, спрыгнул с парашютом, как потом выяснилось. Нашли его только на восьмые сутки. Старушка одна спасла, на печи отогрела. Но сначала, когда он приземлился, его чуть дети местные не убили. Думали — фашист. Случилось все недалеко от родины Ломоносова. Мы сели на катер и поплыли забирать нашего командира. А он окреп, начал фасонить: мол, я сам пешком до части дойду. Принялись отговаривать. Ладно, говорит, давайте лошадь — поеду. Уселся верхом, а скакун его поначалу ничего, а потом учуял неладное и домой направился. Троянов никак не мог совладать с ним и, влетая в конюшню, ударился головой о балку и свалился. В общем, опять разбился капитан. Мы на себе беднягу донесли до катера — и на базу. В итоге комиссия уехала, запретив нам перелет в Корею. Троянова срочно отовсюду выгнали, сделали никем. Года через два он ко мне в Москву приезжал — весь потерянный. Нашу эскадрилью тогда расформировали. Летчиков в разные города перевели. А меня вернули на четвертый курс института...



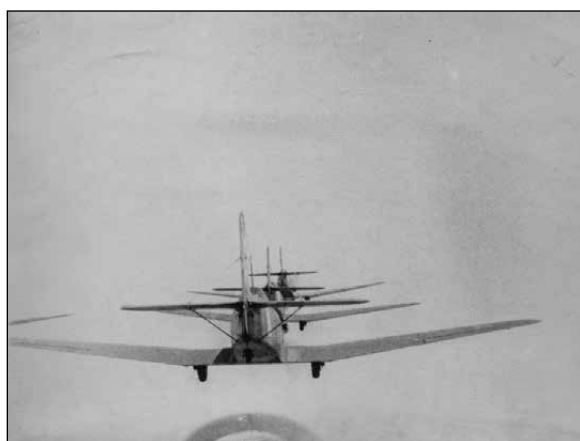
*Ты помнишь, Володя, парадный строй...
1956 год*

Да, воевать по-настоящему не довелось. А вот потомки Пушкина — все вояки. Сергей Клименко служил прямо напротив Театра Советской армии. Там выкопали землянку для зенитной батареи. Сережа являлся ее командиром, подчиненные — одни девушки. Трое его родственников дошли до Берлина. Двое прямо там и встретились, о чем мне рассказывали. Рокоссовский устроил в Берлине спортивные соревнования, чтобы как-то разнообразить жизнь солдат и офицеров. (Это в первые месяцы после Победы.) И вот сидит один «Пушкин» на этих состязаниях, вдруг по радио объявляют, что по плаванию призовое место занял такой-то — другой «Пушкин»! Они и свиделись, впервые за войну.

М. Б.: *Но вот Вы вернулись в институт...*

В. П.: Да, нас сразу отправили в Крым. Снова — лето, творческая практика. Будто и не было войны. Тогда же я встретил свою будущую жену Ирочку Попову⁹ — замечательную художницу и дочь художника. К сожалению, ее уже нет на этом свете. Мы счастливо прожили всю жизнь. Так вышло, что я, супруга, наши дочь, сын, внуки — все художники...

В 1949 году мою дипломную работу напечатали в газете «Сталинский сокол». На этой картине — самолет, и друзья несут на руках Алексея Петровича Маресьева. И рядом статейка о том, как я служил



в войну. Стою, читаю газету, подходит Сергей Васильевич Герасимов¹⁰: «Ну что, доволен?» Конечно!

Меня ведь не хотели подпускать к диплому. В институт пришло другое начальство. Прежних преподавателей всех убрали. И нас, дипломников, собрал профессор, новый руководитель нашей мастерской, на беседу. Шикарный стол, огромная ваза с яблоками. Мы сидим, и он говорит с каждым. Достает батистовый платок, вытирает яблочко, кусает. Никого не угостил! Мне сказал: «Наверное, вы не будете заниматься дипломом». Уж не знаю, по какой причине. Я: «Как же, у меня ведь и тема уже утверждена!». Он: «Мало ли, что утверждена!» Решили мы вчетвером уйти из этой мастерской. Отправились домой к Василию Николаевичу Яковлеву¹¹. Он болел, лежал в шикарной красного дерева кровати — такие великолепные подушки, простыни.

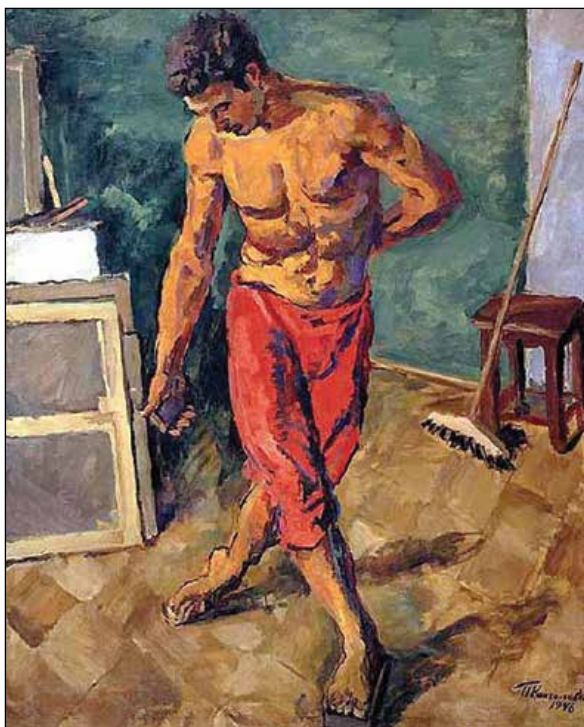
Пол паркетный натерт, по стенам — картины в итальянском возрожденческом стиле. Он только такую живопись признавал. Мы ему все рассказали. Я обмолвился, что Кончаловского люблю. Оказывается, они дружили. Два таких разных человека и художника общались! Яковлев: «Пожалуйста, беру вас всех».

М. Б.: *А с легендарным Маресьевым встречались?*

В. П.: Да, и дома у него бывал. Он меня с мамой познакомил. Такая маленькая, чернявенькая, вроде цыганочки, тихая женщина. Сын тоже чернявый. Маресьевы хорошо меня приняли. Алексей показывал фотографии, рассказал кое-какие интересные эпизоды фронтовой жизни. Например, как командиры доверяли ему машину, хотя знали, что он на протезах. У него техника пилотирования — отменная. Однажды он вернулся с опозданием, на аэродроме уже стали беспокоиться. И вот он садится, сбил два фашистских самолета, и в конце пробега самолет останавливается — не хватило бензина! Представляете, какое потрясающее везение?

М. Б.: *У Вас в воздухе случались опасные моменты?*

В. П.: Сколько угодно. Два-три раза просто на волоске висел. Но как-то обошлось. Между прочим, даже когда учился, у нас трое ребят разбились. В бумагах писали: «Погиб при исполнении служебного задания»...



*П.П. Кончаловский. Полотер. 1946 год.
Государственная Третьяковская галерея*

Алексей подарил мне фотографию, на которой он, играя в шахматы, сопернику мат ставит. У него на снимке такое счастливое лицо! Я передал эти эмоции в своей дипломной работе. Получилось очень хорошо, но мне поставили «удовлетворительно». А потом — эта публикация, и картину взяли куда-то в музей. Даже смешно. Вскоре меня пригласили в студию Грекова, куда нужно было предъявить помимо диплома три рекомендации. И мне их дали Петр Петрович Кончаловский, Василий Николаевич Яковлев и Николай Петрович Кара, который руководил первыми двумя воздушными парадами, в которых я участвовал. Он характеризовал меня как смелого летчика, наделенного всеми качествами, необходимыми военному художнику.

М. Б.: *Да, ведь Вы же после войны летали на парадах!*

В. П.: Институт я окончил в 1949 году, но двумя годами ранее начал принимать участие в воздушных парадах над аэродромом Тушино. 10 лет летал. Первыми двумя парадами командовал Николай Петрович Кара, Герой Советского Союза. Остальными — Вася Сталин. Хороший парень. Прямой. Заботился о летчиках, хвалить не забывал. Матюгался, правда, много. В середине 1980-х годов я посетил его могилу. Скромная, небольшой столбик стоит, круглая фарфоровая фотография разбита. А вокруг — свежие могилы наших солдат, погибших в афганской войне. Деревянные фанерные дощечки с фамилиями — и больше ничего. Печально было, конечно...

Последний — десятый — парад отменил Хрущев, который пришел к власти. Мы уже вырулили на взлетную, все «ястребы» Советского Союза, и вдруг объявляют: парад запрещен. Помню, мы выпили тогда как следует, понятное дело. Перед этим, как нарочно, у нас разбились двое. Возвращались с тренировки. И две девчонки разбились у Марины Чечневой — летчицы, Героя Советского Союза (она руководила женской пилотажной группой). Еще где-то кто-то разбился. В общем, Хрущев разозлился, запретил, и парадов не устраивали потом года три-четыре.

М. Б.: *Владимир Иванович, правда ли, что молодой красавец с атлетическим торсом на картине Кончаловского «Полотер» — Вы?*

В. П.: *(Смеется.)* Да. Я тогда вернулся из Крыма с практики и сразу — к Петру Петровичу. Не знаю, что на меня нашло, но захотелось, чтобы он меня написал. Сам